

УДК 801.81:94»1941/45»(=16)(045)
ББК 81.41

Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**Воспоминания о Второй мировой войне
(по материалам полевых исследований 2016–2019 гг.
в Белоруссии, Польше, Словении, Италии, Аргентине
и Уругвае)**

В статье публикуются собранные авторами за последние четыре года в разных экспедициях (Белоруссия, Польша, Словения, Италия, Аргентина, Уругвай) нарративы о Второй мировой войне на славянских языках. Представлены тексты на русском, белорусском, украинском, польском и словенском языках. О войне рассказывают как участники событий, так и те, кто родился уже после войны.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, память, устная история, освобождение, оккупация, победа, диалект, полевое исследование, славянские языки.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.6.02

В 2020 г. в нашей стране отмечают 75 лет победы в Великой Отечественной войне. Военная тема часто возникает в беседах с информантами в диалектологических, этнографических и фольклорных экспедициях. Существуют специальные полевые исследования, посвященные военной тематике, изучающие, в частности, нарративы о войне и военный фольклор¹. Однако чаще всего исследователи-линг-

---

¹ Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А. В. Гончарова. М., 1979; Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: сборник текстов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / ред.-сост. Н. В. Большакова, сост. Н. Г. Савина. Псков, 2010; *Белецкая Е. М.* Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 2. С. 99–108; Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н. В. Большаковой, сост. Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Плошук (ПсковГУ), В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). Псков, 2016; *Энгелькинг А.* Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй

висты сталкиваются с этой проблематикой «не специально»: во время интервью разговоры о войне возникают непроизвольно, и чаще всего их инициаторами являются информанты. Поводом к такому разговору может быть как регион проведения экспедиций, где велись ожесточенные боевые действия и где произошли трагические события, так и идентичность самого исследователя (исследователи из России), если он ведет полевую работу в другой стране. За всё время в нашем архиве было собрано много историй, связанных с военным временем, началом войны, немецкой оккупацией, освобождением, рассказанных как мирными жителями, так и бывшими военными². Отдельную группу рассказов составляют свидетельства воевавших на восточном фронте солдат армий стран-сателлитов Германии (речь идет прежде всего о солдатах венгерской, румынской и итальянской армий).

Рассказы о войне — свидетельство эпохи, они очень эмоциональны и никого не оставляют равнодушным. Спустя 70–75 лет война жива в народной памяти, о ней говорят не только участники событий, кто всё видел своими глазами, но и те, кто родился уже после войны. Для настоящей публикации были отобраны нарративы о войне, собранные авторами в последние четыре года полевой работы в разных регионах.

Так, в Прекмурье (Словения), в единственной словенской области, освобожденной РККА (апрель 1945 г.), в городах Мурска-Собота и Лендава воздвигнуты памятники солдатам Красной армии, на кладбище захоронены погибшие бойцы. Во время экспедиции многие информанты, узнав о том, что исследователи приехали из России, рассказывали об освобождении и о том, чем им запомнились советские солдаты³.

Несколько небольших фрагментов, записанных от русских, украинцев и белорусов, потомков мигрантов в Аргентине (провинция Мисьонес) и Уругвае (Монтевидео, Сан-Хавьер), свидетельствуют о том, что в то время через различные местные комитеты в СССР отправляли материальную помощь, собранную соотечественниками за

мировой войне // *Славяноведение*. 2018. № 6. С. 27–46.

² См. также рассказы: *Толстая М. Н.* Воспоминания о войне из Псковской области // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2015. С. 72–95; *Толстая М. Н.* Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области // *Живая старина*. 2015. № 3. С. 13–17.

³ *Huber I.* Občutenje druge svetovne vojne na Goričkem // *Vojne na Slovenskem. Pričevanja, spomini, podobe*. Ljubljana; Petanjci, 2012. S. 77–91.

рубежом⁴. У многих из них в СССР остались родственники, которые прошли войну, многие из них погибли. Память о том периоде живет до сих пор в заокеанских общинах наших соотечественников, ежегодно широко отмечается День Победы (например, в Сан-Хавьере, центре русских переселенцев, местный кинотеатр называется *Pobieda*).

Рассказы из Брестской области Белоруссии (Малоритский р-н), одной из первых областей в СССР, принявших на себя удар в начале войны, — эмоционально тяжелые и страшные, собеседники, которые в то время были маленькими детьми, не могут спокойно рассказывать о том времени⁵. История нашего собеседника из долины реки Натизоне (провинция Фриули-Венеция-Джулия) в Италии, словенца по происхождению, 96-летнего П., стала для эксплораторов неожиданностью. П., узнав, что исследователи приехали из Москвы, рассказал, что он в 1941 г. был в рядах итальянской армии на Дону. Фашистский режим Муссолини угнетал славянские национальные меньшинства, словенцев и хорватов, многие были отправлены на восточный фронт⁶. Авторы посчитали нужным включить этот текст в подборку, поскольку П. проводит важные исторические параллели и дает тем самым свою оценку войне. Воспоминания о войне, записанные от информантов на территории Белостоцкого и Мазовецкого воеводств Польши (Южное Подляшье), также возникли в качестве реплики на сообщение о том, что исследователи приехали из России. Представители старшего поколения (1920–1930-х г. р.) сохранили самые теплые впечатления о советских солдатах, проходивших через их родные села. Такие воспоминания записываются практически в каждом доме, и они часто очень эмоциональны: в них рассказывается, как солдаты веселились, танцевали, пели, празднуя окончание военных действий; плакали, отправляясь на фронт; молились вместе с местными жителями, принимали участие в

---

4 Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео, 2009. С. 134–135.

5 Швед И. А. Устные воспоминания жителей Брестской области о Великой Отечественной войне // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление. Материалы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов / Нижегородский филиал МИИТ. Нижний Новгород, 2015. С. 92–95.

6 Подробнее о мемуарах итальянцев, участвовавших в войне против СССР, см.: Коксова А. С. Восточный фронт глазами итальянских участников Второй мировой войны: обзор мемуаристики // Научный вестник Крыма. № 4 (9). 2017. С. 1–14.

их ритуалах (например, в ужине в Рождественский сочельник)⁷. Также полны драматизма нарративы о войне, записанные в Витебской области Белоруссии, эти истории часто сопряжены с темой холокоста, которой мы не касаемся в настоящей публикации⁸.

Одни тексты публикуются в фонетической записи, в других передаются только наиболее яркие особенности речи информантов (например, собеседница в [3] говорит на литературном языке со значительными фонетическими особенностями, характерными для прекмурского наречия). Тексты на восточнославянских языках не переводятся на русский язык (за исключением [5], так как он содержит много испанских слов).

[1] жен. 1946 г. р., жен. 1948 г. р. (Белоруссия, Малоритский р-н, Брестская обл., Новолесье), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2018 г.

— А у нас бул^а бал'шайа с'им'й^а. Ну и нэ хватало йиды, в'идно, пол'а мало було. Зымл'и мало було, муй бат'ко ходыў, заропкы. Шчэ був брат од'ин и другый, то вжэ ным^а. Од'ин на фронт'и пог'иб мэншый. А старшого пов'исылы ф сэл'и. В'ишалы [плачет] на дарогу, туд^а, ф той край.

— Там туй сторон'и, да, там д'эр'эво.

— Двох пов'исылы.

— И такайа на сэл^о бул^а в'этка, грубайа, и на туй в'этк'и на сэл'и, согналы фс'их людый и в'ишалы тых. Хто ф парт'изанах буў, хто...

— Хто, фсп'иў фтэчы, в борозн'и дэ-йакуйу лыжав, ну гр'атк'и дэ, в огорот, куды-нэбўт' трохы.

— А тыйи остальыс'.

— А тыйи фс'и фс'о сэл^о окружылы и фс'их туд^а ф той край, туд^а... ну и там дэрэво, йа вжэ и нэ помн'у йакойэ тойэ дэрэво було.

— Вйас. Вйаз був.

— Воно так^о, гол'ака бул^а на сэл^о. Грубайа, и на тый гол'ак'и тых

⁷ Об исторической памяти и устной истории в культуре Польши см.: *Hajduk-Nijakowska J. Doświadczenie pamięci. Folklorystyczny kontekst opowieści wspomnieniowych*. Opole, 2016.

⁸ Теме истории и культуры евреев в Белоруссии, и в частности холокосту, посвящены исследования Центра славяно-иудаики «Сэфер», например: *Желудок: Память о еврейском местечке* / отв. ред. И. Копченова. М., 2013; *Глубокое: Память о еврейском местечке* / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. Материалы экспедиций доступны в базе данных <http://sfira.ru/>.

двох пов'ісылы на... машына, маты, ну йак маты казала... гаворыла, то йа тойэ и кажэ. Бо ж мэнэ шэ и н'э було. И машыну борты открэлы, и тых двох... а той бат'куў брат, д'эс'атн'иком буў, и йому трэба було шос' то-о, тут зробіты, а нэ було когэ вырадыты у парт'ызанам, а у поб'іх, туды казаты, там, соопштыты.

— Ну шо н'эмцы ф сэл'і.

— А тот опоздав. И йогэ вз'алы, и ф Томашоўку⁹ дв'и нид'іл'и там допрашувалы, былы. Маты кажэ, такый страшний! Замучуваный гэт' кажэ був [плачет].

— Вона жэ, там дывылыс'а.

— Ну и другый шчэ из' н'им. И зробілы дв'и п'эт'л'і, машыну борты пооткрывалы, а бат'ко, маты, ну хто ф сэлэ, хто нэ фсп'іў фтэчы, фс'их, и ус'іх опкружылы, з афтаматамы, с тым, з оружыём. И тых пов'ісылы, и шэ по н'им'эцк'и шос' там маты казала, гаворыў, пс'л'и той по пол'с'к'и пэрэводыв, то вжэ йак побылы. Тых пов'ісылы, в'іс'ат', маты з бат'ком дывл'аца ус'і [плачет]. Ну и фс'и л'уды ш! а тод'і давай с п'истал'эта стрыл'аты. Д'іда, бабу, на кол'іна ставай! Кóло машыны там, и на кол'энках, и в затылок. Ис п'истал'эта стрыл'алы. То д'ит шэ, кажэ, пудн'авс'а.

— Тры рэзы пуднымавс'а. Тры рэзы стрыл'ав, у гóлову, а вун тры рэзы пуднымавс'а — такый здорóвый був. И такый рóстом, кажут', ныс'кый.

— Нэвэлыкый такый бат'ко муй рóстом.

— И тры рэзы фставав.

— А вжэ бабу нэ було ш чогó б'іти, маты так кажэ, шо вжэ вона так дохóдыла. Шо то, бабу ростр'ил'алы, а тогó пов'ісылы. И вс'о. Ну и фс'им: «Ид'іты!» Фс'им вжэ: «Росхóттэс'а!» А сэлэ окрúжонэ. «Фс'о, росхóттэс'а до дóму!» — ну а куды йих, за сэлóм могоыла, вжэ я нэ ходыла туды, прóшлого шэ йіздыла, с'ой год ужэ йа нэ могу, ужэ на в'илос'ип'эду йихаты, нычóго [плачет]. Ну и там похоронылы за сэлóм, на высóкэму такэму м'ісц'у, од дорóгы в'ідно тáко, йак в Гúту¹⁰ йідыш.

[2] жен. 1937 г. р. (Белоруссия, Брестская обл., Малоритский р-н, Бродятин), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2019 г.

⁹ Томашовка — поселок в Брестском районе Брестской области вблизи границ с Польшей и Украиной.

¹⁰ Гута — деревня, расположенная недалеко от д. Новолесье в Малоритском р-не Брестской обл.

Муй бат'ко був на пырыдов'ий. Забрáлы де-то ф sóрок трэт'ом чы sóрок ч'ит'в'óртом, ужé йак зайн'алы Красна áрм'ийа, в'ин туд'й... И т'ыко, тут булы, в'ес' м'ишóк проб'ыт'ыйи, и ф спыны булы проб'ыт'ыйи в'ес' м'ишóк, а в'ин нэ ран'эный був. Ну в'ин вжэ стар'йшыи був, казав, т'ыйи молод'ыйи, шо то прызв'аныи булы, так'ыйи нытырпл'óныйи, йак молод'ыйи, в'ысуныц'а и нымá, и нымá. И отáк шо в'ин б'эз'в'эс'т'ыйи пропáв, казáла тóко, йа ны знáйу дэ, бат'ко то роскáзував. Будап'эшт! Казав вжэ, такáйа булá разр'уха выль'ика, шо ны мóжна булó, од'он огóн' ход'ыв! И от вóны дэ-то в йакóмус' пóгрубовы сыд'йл'и, и вжэ фс'о кóнчылос'а, вжэ нымá чым стр'ил'áты, и от вóны там, вжэ ид'ут', ид'ут', ид'ут', вжэ ч'уты, кр'ыч'эт': «Урá! Урá!» Кáжэ, а мы в'ыйшлы, стáлы т'уйу рóту пытáтыс'а, в йак'ий в'ин йэ, а то вжэ йи давнó и нымá. Так прыстáв до др'угай, кóнчылас' вуйнá, и вжэ ны знав, быз'в'эс'т'ыйи пропáв, и фс'о вжэ. Колы то, прышóв в'ин' вжэ де-то в áвгуст'и, ф sóрок п'áтому. Ну йакá йа шэ булá? Йа пómн'у, сус'йткa мэнэ вз'алá нá нуч, а воны то. И мойá сыстрá прышлá, кáжэ: «Бат'ко наш прышóв!» И пómн'у, йак зáрас дэн' той, бат'ко, вжэ в'ин поправл'оный так'ый, сыд'ыт', фс'и позбыгáлыс'а. Подáрки нам прыв'йс, йакáс' мат'эр'ийа такáйа трóшкы на плáт'ийи. Мукы пшэнычнэий прыв'йс, а йакáйа туд'й н'иш'ита булá! А т'ыйи фс'и булы, начавáлы ф кл'уны, а йа ф сус'йткы, бо намолот'ылы жыта чи прóса, йа ны знáйу... И отчын'эйэ бат'ко кл'ун'у, н'э! прыхóдыт', такáйа хáтка... тык був, той гл'ын'аныи, т'ыко однá п'ич, к'уры сыд'йлы, йэк з'ымно, такáйа п'ич, так фхóдыты, и так туды до окнá...

[3] жен. 1950 г. р. (Словения, Мурска-Собота), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2018 г.

Moj oče se začel skrivati, in so prišli madžarske žandari in so pretikali fse seno, nej najšli so ga nej, ker pri nas je fsakši kmet ma tüdi gorice, ker je vas pot brejgom, pod hribom... kasneje so si bunker izkopali, pa tisto bunker, so potem tudi jih kasneje že najšli pa v zapor. Skratka končal v zaporu v Körmendu na Madžarskem. Drügi njegov brat mlajši, Martin... on je pa bil mobilizirani v Madžarsko vojsko, in potem seveda so jih poslali na fshodnu fronto, na rusko fronto, tam je, enkrat se un predal v rusko ujetništvo, in potem so s teh vojakof, z območja s terena bivše prve Jugoslavije, je formirala Rdeča armada vaša, ne vem, posebne bataljone, in oni so potem potiskali Hitlera nazaj, ja, proti Nemčiji. Za njega sploh niso znali domači, če je žif ali mrtef, nej. In so za njega že dali maše služiti, to katoliška vera ma ta običaj, ka daš za maše.... in so za njega že maše služili kot za pokojnega, ampak je on preživu to, preživu tudi Sremsko fronto,

ki se je ustavila tam v bližini Beograda, ve mestu Šid, to je nedaleč od Beograda je ogromno pokopališče... moj stric Martin je preživu to vojno, prišel domow, ma tudi seveda potrdilo, bil je f sestavi rdeče armade, in je potem tudi seveda status partizana mel. Ko se vrnu, ker sta oba sinova bila odsotna, so bili doma samo ženske in stari oče, dedek moj. In je potem prišla sem Rdeča armada v začetku aprila devetnajsto petinštirdeset. Takrat so se že zapori odprli, je oče že prišel peške domov iz Körmenda, ker se je že to fse umikalo, fse je šlo seveda v raskroj. Pri nas nova hiša bila dokaj velka za tisti čas, če so leta devetnajsto štirdeset začeli delati. Se je tu nastanila, en odred vojske, takrat se je ta Rdeča armada, se je razporedila po teh posameznih vaseh. In moja mama je fsigdar pravila, ka je pri nas bil ve velki hiži, največjem prostoru v hiši, ki je mela eno velko sobo, eno manjšo sobo, kuhinjo, špajzo, zgornjo klet, kjer so hranili žito, nej, za kruh pa sejanje, da se je tam nastanil pukovnik, polkovnik, ne vem če je bil polkovnik. Ona je tak spominjala, ker je mel še tepih pravi f sobi. In so potem tudi ruski konji, rdečearmejski konji so fse naše seno pojedli [смех], ampak zdaj! V zahvalo so püstili eno kobilo, Sürka, in mi smo to ime ohranili. Sürka kobila, takša pegasta, tovarna kobila je to bila. No, in moj stari oča, dedek je te, tisto kar je nej dobu za nevesto devetnajsto tretjega leta, nej, kot doto, ni dobu konja, je zdaj prišel do konja! In nas vnuke je fsake telko časa smo se na kolesa seli, in je on zapregal to kobilo Sürku, in smo se pelali ve varoš. V Sobotu, nej. To je bil takšen imeniti spomin! No in jaz sem spraševala moje stare starše, sem spitavala, kak so se sporazmili s temi Rusi? Eni so prišli, ta ukrajinski del je prišel tam mimo Lendave, ta drugi del ruski je pa prišel dol iz Goričkoga. In so pravili, ka so te Ukrajince, oni so pravli Ukrajinci, ka bole, kak recimo ove, razmili so pa fse! Fse so se sporazmili. Bil je neki verjetno od tega polkovnika, če je bil polkovnik, ja, neki recimo pomočnik je skrbel za garderobo, verjetno oblačila, tisti je bil Miška. In tega Miška so se z izjemno hvaležnostjo spominjali. Staremu očeti so püstili eno takšno kapo, ki je mela naušnike, pa tüdi tü gore nej, to sküper zvezati, in on je to nosu, kar se ga jaz spomnim, pozimi je on vedno mel, ne vem kak smo pravli, tisto kapo, nej, mislim batirana kapa je bila. To je bila takša prešita verjetno seveda za mrzle razmere. In je nosiu še telovnik, no skratka, ostala je ta kobila. Namesto sena. Vem, ka so tudi k goricam šli, pa so fse lagve, sode voskopali, pa so seveda jedna vojska ne! Ni pa bilo, ker je bilo to vojaški razpored tak, jaz v mojem okolišu tü, ta fara Bogojina, se ne spomnim teh zgodb, ka bi ženske preganjali, fsaka vojna je norost, in tu se ženske niso čutile ogrožene... Zdaj ko sem jaz tak stara, mi je zelo žal, ka nisam več spitavala, ka bi več to znala, ampak dobro. Skratka usnovno je to, ka so vaši rojaki ostali zapisani ve dobrem

spominu! In ka smo mi dobili kobilu, ki si jo moj oče tak strašno želim... Morate iti, tam so vaši rojaki zakopani, čez petsto! To je cela takšna, ene vrste aleja... rusko pokopališče, oziroma ta del, takoj pri vhodu je ta ruski del, in je to urejeno, vzdrževano, ja.

[Мой отец начал прятаться, и пришли венгерские жандармы и начали прокалывать сено, его не нашли, потому что у нас у каждого крестьянина были виноградники, потому что село расположено у холма... позже они себе выкопали бункер. И в этом бункере их позже уже нашли и отправили в тюрьму, он [отец] оказался в тюрьме в Кёрменде¹¹ в Венгрии. Его младший брат был призван в венгерскую армию, и их, конечно, послали на восточный фронт, на русский фронт. Там он сдался русским в плен. И потом из тех солдат, с территории бывшей первой Югославии, ваша Красная армия сформировала специальные батальоны, и они потом теснили Гитлера назад к Германии. О нем совсем ничего дома не знали, жив он или мертв. И по нему уже заказывали заупокойные мессы, потому что в католической вере есть обычай, когда заказывают мессы... и о нем уже мессы служили как за покойного. Но он выжил, прошел также через Сремский фронт, который остановился там вблизи Белграда в городе Шид, это недалеко от Белграда¹², огромное кладбище... Мой дядя Мартин выжил в этой войне, пришел домой, у него, конечно, было подтверждение, что он был в составе Красной армии, и у него, конечно, был статус партизана. Когда он вернулся, поскольку оба сына отсутствовали, дома были только женщины и мой дедушка. И потом пришла сюда Красная армия в начале апреля 1945 года. Тогда уже тюрьмы открыли, и отец пришел пешком домой из Кёрменда, потому что все уже отступали, всё распалось. У нас был новый дом, довольно большой для того времени, его начали строить в 1940 году. В нем разместился военный отряд, потому что Красная армия тогда расположилась в деревнях. И моя мама всегда говорила, что у нас был в большом доме, в самом большом помещении в доме, в котором была большая комната, комната поменьше, кухня, кладовка, наверху помещение, где хранили зерно, для хлеба и на посев. И там

---

¹¹ Кёрменд (венг. Kőrmend) — город на западе Венгрии, расположен недалеко от современной венгерско-словенской границы.

¹² В с. Адашевцы в окрестностях г. Шид (Сербия) расположен мемориальный комплекс, посвященный Сремскому фронту, который был прорван югославской армией при помощи советских войск в апреле 1945 г.

поселился полковник, не знаю, был ли он полковник, она [мама] так вспоминала, потому что у него в комнате был еще ковер. И русские кони Красной армии съели всё наше сено [смех], но в благодарность нам оставили одну кобылу Сюрку. И мы это имя сохранили. Кобыла Сюрка, пегая, на ней перевозили груз. Ну и мой дедушка, который в 1903 году не получил в приданое коня, сейчас получил коня! И он запрягал кобылу Сюрку и нас, внуков, возил на повозке в город, в Мурску-Соботу. Это такое прекрасное воспоминание! Ну и я спрашивала своих родителей, как они общались с этими русскими. Одни пришли, украинская часть пришла из Лендавы, а вторая русская часть пришла из области Горичко, и они говорили, что они этих украинцев — они говорили, украинцы — лучше понимают, чем других, но понимали они всё! Всё понимали. И у этого полковника, если он был полковник, был некий помощник, который заботился об одежде, его звали Мишка. И этого Мишку вспоминали с особой благодарностью. Дедушке оставили одну такую шапку-ушанку, и наверху так же было, там всё завязали, и он это носил, как я его помню, зимой он всегда носил. Не знаю, как мы называли эту шапку, думаю, что это была шапка на вате. Она так была сшита, вероятно для холода. И он носил жилет, и осталась эта кобыла вместо сена. Знаю, что они ходили к виноградникам в погребя, и все бутылки и бочки выкопали, конечно, бедная армия! Не было того, я в своей округе в Богоине не помню историй, чтобы женщин преследовали, и здесь женщины чувствовали себя в безопасности. Сейчас, когда я старая, мне очень жаль, что я больше не расспрашивала, чтобы больше узнать. Но основное то, что ваши соотечественники оставили хорошую память! И что мы получили кобылу, которую мой отец так страшно хотел... Вы должны пойти, там ваши соотечественники похоронены, более пятисот!¹³ Это такая своего рода аллея... русское кладбище, то есть та его часть при входе — это русская часть, и всё это обустроено, поддерживается, да].

[4] муж. 1923 г. р. (Италия, Фриули-Венеция-Джулия, провинция Удине, Ознебрида), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2018 г.

Beh, allora! E táko je, jas sem biw ȳor, sem biw ȳo na Dónu! Ánda smo ben- mi smo bli odzát, zmerej odzát, ánda smo bežál, wsi hudíci, Hitler i Mušolíni, wse smo šabotál, nísmo tel díelat nič, ka smo mórali kopát, kar so bli... *Allora*, potle zak so bli, narbúl obnoréli za tíste narét, za tíste, iti šarkát ȳo Rúsijo, je jaw Napoleóne, *mai* nobéden se ne smíe da príde pa oníeyat ȳo

¹³ Собеседница говорит о кладбище в г. Мурска-Собота.

Rúsiju! Je uešáfaw lecjón velik, Napoleón! Anda so šabotáli, pa Hítler i Mušolíni. Anda mi smo bilí otróc, smo míel, še dvájset líet ne. Anda nísem šew ne volontár, nísem šel, da biw, šuw *aggređire*, da sem šew štakát drúye, ta pa ne... Zíma je bílo táko mras, da sem biw že zmřznjen tle, na pršte-e omřznjen, púwno ih je bilo zmřznjenih že... Anda láčni, nísmo míel za jest, zak je blo, níso perpeljáli... táko je! [...] Za dvajz dni bo *noventasei*, šestendevedeset.

[Ну хорошо! Ну вот так. Я был там, я был на Дону! И мы были позади, всегда позади, и мы бежали. Все черти, Гитлер и Муссолини. Мы саботировали, не хотели ничего делать, мы должны были копать. И они сошли с ума, идти в Россию. Наполеон сказал, никогда никто пусть не идет в Россию! Он преподавал большой урок, Наполеон! И это проигнорировали Гитлер и Муссолини. Но мы были дети, нам не было и двадцати лет. Я не пошел добровольцем, чтобы наступать и атаковать других... Зима была, был мороз, и я уже замерз, пальцы обморожены, много было замерзших. И голодные, у нас не было еды. [...] Вот так через двадцать дней будет девяносто шесть лет].

[5] муж. 1941 г. р. (Аргентина, провинция Мисьонес, Обера), зап. Г. П. Пилипенко в 2019 г.

И в'ин, тáто, т'ута бу'у, *suegro* Сэноны, то тут роб'ылы *encuentro*, шоп помагáты *aliados contra* Х'ытлэр. И з'в'ис'и ишло багáто *este-e*, шо бул'о, то руб'ылы... И йуг'о брат'ы заб'ылы н'ймц'а, зроб'ылы шоб, шо роб'ыв ту, э, *rozo*, йак то б'удэ, и т'ойу *matryl'uidóroyu* там. Муйá т'йткa, э, *sal'váryла víду*, э, *matrimonio judios*, э, жылы, т'икáлы од, э *nazi*. И мáлы дыт'ыну, нэну. И знáлы, шо вон'ы, то з'ал'ы, попрус'ылы мой'у т'йткy, дал'ы ту р'ат'ункy, дыт'ыну, и муйá т'йткa вз'áла у п'ич. Перейшла *racia*, и та дыт'ына жый'о. Нагуч'ылас *ingeniera*, и та муйá т'йткa то булá маты йий'и. *Historia* гáрна! Багáто йэ чо'г'о, т'ыл'кы шо йа кал'ичу, нэ м'о'жу балакáты *completo*, йак хот'и'у бы.

[И он, отец, был тут. Свекор Зеноны, и здесь устраивали собрания, чтобы помогать союзникам против Гитлера. И отсюда шло много [посылок], что здесь делали¹⁴. И его [отца] братья убили немца¹⁵.

14 Информант говорит про комитет помощи СССР, созданный в г. Обера во время войны.

15 Речь идет о южных районах современной Ровенской области и северных районах современной Тернопольской области Украины (историческая область Волынь).

Сделали так, чтобы он вырыл колодец, и его из пулемета. Моя тетка спасла жизнь. Еврейская пара убежала от нацистов, и у них была маленькая девочка. И они попросили мою тетку, чтобы спасла ребенка. И моя тетка взяла и сунула в печь. Прошла облава, и ребенок остался жив. Она выучилась на инженера, и моя тетка стала ей матерью. Красивая история! Много чего можно рассказать, только я калечу язык, не могу полностью разговаривать, как хотел бы].

[6] жен. 1926 г. р. (Уругвай, Монтевидео), зап. Г. П. Пилипенко в 2018 г.

Йа хачу пьказат' то, шо нашы рус'каи, э, п'ир'идавал'и, пьлуч'ил'и патом атв'эт, пьтаму шо п'исал'и, пашла наша помач ва врэм'яа вайны. Эт'и арм'ин'ины атв'эт'ил'и, и прыслал'и нам атв'эт арм'ин'ины, и н'ихто н'э знал читат'. И й'эзд'ил'и у Пайсанду¹⁶, шоп пр'ечитат'. Хат'эла пьказат' то, што ан'и сабрал'и у Сан-Хав'йэри, майа мама, была, э, многа л'эт съб'ирал'и.

[7] муж. 1941 г. р. (Уругвай, департамент Рио-Негро, Сан-Хавьер), зап. Г. П. Пилипенко в 2018 г.

Пьсылал'и, бьл'и. *Поркэ*¹⁷ када посл'э вайны, када вайна была, патом атс'эдав' пас... пьсылал'и, *поркэ* там, т'ук'и, дл'а н'их, ад'ожу атс'эдав'.

[8] муж. 1942 г. р. (Аргентина, провинция Мисьонес, департамент Ванда, Лануссе), зап. Г. П. Пилипенко в 2019 г.

Трыцац' вас'мом року, п'эрат вайнойу [п'рийэхал'и], была аказ'ийа вьйэхац' стул' з Б'эларус'и, п'рийэхал'и с пашпартам пол'ск'им, бо было зайн'ато, Б'эларус'ийа была зайн'ата пат Пол'скай... п'эрад вайнойу п'рийэхал'и, бо брат майэго тата растрэл'ил'и н'эмцы...¹⁸ бо йон хав'аус'а ад вайны, н'э хац'эл иц'и... П'эрад жонкай, п'эрад дз'эц'м'и. Йаг была вайна, два брата майэй мамы ум'эрл'и на вайн'э тэш. Йэдна с'астра майэго тата тэш уц'экл'а да л'эсу, жыла в л'эс'и, была партызанка. Йаг была вайна, та йан'а была партызанка, знайэш, што то партызанка, н'э? И так.

¹⁶ Город в Уругвае, в 50 км от Сан-Хавьера, центра русской миграции.

¹⁷ Исп. *porque* — потому что.

¹⁸ Собеседник рассказывает о событиях под г. Слонимом, современная Гродненская обл. Белоруссии.

[9] жен. 1933 г. р., Адамув (Польша, Люблинское воеводство, Люковский повет), зап. А. В. Гура, М. В. Ясинская в 2017 г.

...U nas kiedyś, ja jak byłam w tem czterdziestym w którym te roku, w trzecim, jak szły tutaj od Rosji Niemców wyganiały, to u nas tu było od Garwolina, tu był front, jak szły, a do nas były stancje na tem... to tych ruskich żołdatów było pełno, i to takie stare po siedemdziesiąt lat, furazerkę miał, tylko nauszniki, bo to była zima, to myśmy się uczyli mówić od nich, to też jak taki był jeden to ach jak płakał, nam szkoda była i mama płakała razem z nim, bo na front szedł, a to było akurat po Wigilii, ony u nas na Wigilię były, razemśmy jedli Wigilię, to jeden powiedział, że niewierzący, ale kiedyś opłatkem połamał z nami, ale na front miało iść, to się pożegnał trzy razy, jestem niewierzący, ale dziś wierzę, mówi, i ten opłatek wziął i lzy im pociekły, a ten co miał dzieci to płakał jak nie wiem, rodzice razem z nim płakali...

[*A Pani też mówi po rosyjsku?*] Nie! Tyle co od nich nauczyłam, a kiedyś od tych żołnierzy. [*A oni jakiś piosenki śpiewali te żołnierzy?*] Śpiewali, jeden był taki, powiedziały że to był Ukrainiec jakiś, jak on chodził, to słoma była na... w pokoju na całej podłodze, bo ony na tej słomie spały, i jak on chodził, jak to się mówi trepoczka czy jak, i śpiewał i tupał i... ojejku kochany! Jeden grał na harmoszce, a jeden to był taki jąkaty, tak się jąka, że nie mógł słowa powiedzieć, a jak śpiewał, Pan myśli, ani razu się nie zająkał... ani razu się nie zaczął jak śpiewał, a tak to trudno było słowo powiedzieć, taki był jąkaty... śpiewał nie...

[У нас когда-то, когда я была... в сорок каком-то году, в сорок третьем¹⁹, когда шли здесь из России, немцев гнали, то у нас здесь был от Гарволина²⁰, здесь был фронт, когда они проходили, а у нас были станции, русских солдат было полно, и такие старые, лет по семьдесят. У него была пилотка, только наушники, потому что была зима, и мы учились от них разговаривать, и тоже был один такой, он прямо плакал, нам было его жалко, и мама плакала вместе с ним, потому что он шел на фронт. И было это как раз после Вигилии²¹, они у нас и на Вигилию были, мы вместе ужинали. И один сказал, что он неверующий, но поделился с нами облаткой, а на фронт надо

19 На самом деле в 1944 г.

20 Гарволин (пол. *Garwolin*) — город в Польше в современном Мазовецком воеводстве.

21 Вигилия (пол. *Wigilia*) — Рождественский сочельник (в католическом календаре — вечер 24 декабря).

было идти — он три раза перекрестился. «Я неверующий, но сегодня верю», — говорит. Взял эту облатку, и у него слезы потекли, а тот, у кого были дети, плакал как не знаю что, и родители мои плакали с ним. (А вы тоже по-русски говорите?) Нет! Только то, чему от них научилась, когда-то от тех солдат. (А они и песни пели какие-нибудь?) Пели, один был такой, говорили, что он был украинцем, так он так плясал, тут была солома в комнате по всему полу, и они на этой соломе спали, и как он плясал, как это называлось «трепак» или как, и пел, и притоптывал... Боже мой! Один играл на гармошке, а другой был такой заика, и когда заикался, не мог слова выговорить, а когда пел, только представьте, ни разу не заикнулся, как начинал петь... и трудно было слово сказать, так заикался... а когда пел — нет!]

[10] муж. 1937 г. р., Лив (Польша, Мазовецкое воеводство, Венгровский повет), зап. А. В. Гура, М. В. Ясинская в 2017 г.

Ja pamiętam właśnie, po prostu mam sentyment, ja pamiętam jak Rosjanie tylko front minął w dzień, następny dzień po froncie, jak oni się ładnie bawili, jak oni byli serdeczni, jak byle co wszystko jedno nie wybrzydza... tańczyli, kuchnia, zupę gotowali. Ojej! Tańczyli “Kazaczka”... Pamiętam... obrudzeni, zanedbani trochę, bo to front, wojna, ale tak miło zobaczyć było po tych Niemcach, po tych s kurwy syna hitlerowcach... tak i pamiętam w tych szynelach te Niemcy z tymi awtomatami tylko, każdy dla nich to był wróg... ludzie sobie nie zdają sprawy w ogóle, teraz najważniejsza solidarność... będą mieli umowy, będą mieli wszystko... tylko niech się coś ruszy to... kto nam pomoże? Tak jak w czasie tej wojny Anglicy, Francuzi tyle naobiecywali nam... pomogli... dupę pokazali nam! Ludzi tacy, nie umieją sobie docenić co by było, gdyby było...

[Я помню как раз, у меня такое воспоминание — помню, как русские, как только фронт прошел, на следующий день как они хорошо праздновали, какие они были сердечные, что они только не вытворяли — плясали, готовили, суп варили. Ой-ой! Плясали «казачка»... Помню. Грязные, неухоженные немного, ведь фронт, война, и так мило было их видеть после этих немцев, этих проклятых гитлеровцев. Как вспомню в тех шинелях, эти немцы со своими автоматами, для них каждый был врагом. Люди не отдают себе отчета, что главное — солидарность, будут соглашения — будет всё... а если что-то пойдет не так — кто нам поможет? Как во время той войны англичане, французы — столько нам наобещали... помogli... задницу нам показали! Люди такие, не умеют ценить то, что было, чтобы оно было...]

[11] жен. 1932 г. р., Рудзенко (Польша, Мазовецкое воеводство, Отвицкий повет), зап. А. В. Гура, М. В. Ясинская в 2017 г.

Boże Kochany! Przecież to... Ja już byłam... tu Rusczy weszli. To byli bardzo... bardzo byli dobrzy tu u nas! Naprawdę! [*To było w czasie wojny?*] Tak! W czasie wojny, tak... ale to bardzo dobrzy byli, oni się dzielili z nami tu, no! Tak! Nie można... myśmy tu mieli takich naprawdę ludzi... [*A Niemcy tu też byli?*] A Niemcy to byli też, ale znowu Niemcy to też wam powiem takie zdarzenie... oni byli bili, o co niebądź im się nie podobało, jechał szosom chłop, jak im się nie podobało, wyszedł z samochodu, wziął sobie gumę, tak i zbił go, zbił go, wszedł w samochód i pojechał... byli okropni! Ale byli stateczni, słowni! Ukraść — nie, Bóg bronii, coś! Ruskie to wiem czy ludzi latali za kobietami, latali za kobietami, tak! A Niemcy, oni się brzydzili polskich kobiet, byli już inny. Tylko takie powiem zdarzenie. Tu mama trzymała gęsi, a tu stawy zaraz blisko, ony chodziły na te stawy, oni zobaczyli, bo oni się stołowali u dziedzica, Niemcy. Zobaczyli te gęsie, przygnali te gęsie, te gęsie ich przyprowadziły, no i pytają się czy mamusi: “Czy to twoje?” — “Tak, moje”. Już nie pamiętam, może te gęsie było tam z dziesięć, tak... ile tam nie wiem, czy dwie, czy trzy te gęsie żeby były takie gotowe do jedzenia, żeby one się ugotowali. Tak zrobili, ale ile oni zapłacili za te gęsie... tutaj gęsie warte były nawet... dużo pieniędzy dali, dużo! Myśmy tak samo sieroty zostały po ojcu, mama była wdową. Tak... to rozmawiali jako my tu dziś, to może oni trochę się tu i żalowali... i druga sprawa, druga taka sprawa... druga sprawa to była taka. Brat był, bo został dwanaście lat miał... brat lubiał konie, miał dwanaście lat jak my zostali, on najstarszy, a ja miałam cztery lata, i czworo nas było... on lubiał konie, to on musiał mieć takiego biegłego, to niemożliwe, to taki był... a myśmy mieli... bo ten koń był wojskowy, gdzieś był zabity Niemiec i musiał z tego konia spaść, ten koń... przyleciały tu dowsze dwóch tych koniej i złapał jeden! Nu i tak jak sprzedał mojej mamie tego konia. A ten koń taki był biegły, był taki... Zgrabny się nazywał. I oni chodzili tam, co mówię, córka za drogą mieszka, myśmy tam mieli bo tak s sąsiadami śmy mieli razem, było ogrodzone, i tego sąsiada koń chodził i nasz chodził ten koń, tak. I tak spodobał się ten koń nasz tym Niemcom. Nu i mama zaczęła prosić, płakać, że tu sieroty są tylko i mówi... Toj to mówi: Nu jak, mówi... zabierzecie konia — co ja zrobię? Panie, jak wydał papier, taki upisał, siadł do stołu i tak mówi... Póki my będziemy w Polsce, to Pani tego konia nikt nie weźmie. Panie, byli obilizacje tych koni, tylko pojechał brat, pokazał ten papier, kazali jechać do domu. Tacy byli, tak! A Rusczy to znowu nie powiem, mówię, byli bardzo grzeczni, u nas tu stali, bo tu stali oni po wsiach przecież, to miał jeden cztery gwiazdki, a drugi był czy s trzoma gwiazdkami. Panie,

na kolana mnie brali, ciastka mi przywozili, bo to byli lotnicy, samolotami jeździli. Panie, jakie byli grzeczni, w pokoju stały dwóch braci moich razem z nimi, i oni tak powiedzieli: “Kładźta się jak już będzie cichutko, jak nikt nie będzie chodził, a raniutko wstajta, jak tylko się uwidni, żeby nikt was nie zastał”... bo przychodzili Niemcy tu do nich, koledzy, i spali razem cały czas, nie Niemcy, tylko Rusczy, przychodzili, tak...

[Боже мой! Я была здесь, когда вошли русские. Они были очень, очень добры к нам! На самом деле! (Это было во время войны?) Да, во время войны. Они были такими добрыми, делились с нами здесь, да! У нас на самом деле были такие люди. (А немцы тоже были?) И немцы тоже были... и немцы, я вам расскажу такую историю... они даже били, если им что-то не понравится. Вот ехал мужик по дороге, если им что-то не нравилось, он выходил из машины, брал кнут, бил, избивал, потом садился в машину и уезжал. Были ужасные! А те были почтенные, порядочные! Украсть — нет, упаси Боже, что-нибудь! Знаю, что русские ухаживали за женщинами, да! А немцы — они брезговали польскими женщинами, они уже были другие. Такую вам расскажу историю. У мамы были гуси, а здесь пруды близко, и они ходили на эти пруды, ну и немцы увидели. Они обедали здесь у хозяина. Увидели этих гусей, пришли за ними, проследили и спрашивают у мамы: «Это твои?» — «Да, мои». Я не помню уже, этих гусей было может быть около десятка, да. Уж не знаю, два или три гуся, чтобы она их приготовила, чтобы можно было их съесть. Так они сказали, но они заплатили за этих гусей, эти гуси были дорогие! Но они много денег дали, много! Мы остались сиротами после смерти отца, мама осталась вдовой. Вот так мы разговаривали, как сейчас, может, они нас немного и пожалели... И вторая история. Брату было 12 лет, брат любил лошадей, ему было 12, когда мы остались, он был самый старший, а мне было 4 года, нас было четверо... и он любил лошадей, у него был такой резвый конь, что невозможно, был такой... а у нас был... этот конь был военный, где-то убили немца, этот немец, видимо, упал с коня, и два таких коня сюда прибежали, и один мужик поймал и продал моей маме этого коня. А этот конь был такой резвый, Стройный его звали. И они там паслись, через дорогу, где сейчас моя дочка живет. У нас там с соседями пополам было огорожено — и соседа конь пасся, и наш. И этот наш конь понравился немцам. И мама наша начала просить, плакать, говорила, что мы тут сиротами остались... «Ну как, — говорит, — заберете коня, что я буду делать?» Представляете, и он выдал бумагу, сел и

написал, сел за стол и так говорит: «Пока мы будем в Польше, никто у вас этого коня не заберет». И вот когда экспроприировали этих коней, брат поехал, показал эту бумагу, ему сказали ехать домой. Вот такие были, вот так! А русские были очень вежливые, они у нас тут квартировали. Ведь они по деревням жили в основном. У нас один был с четырьмя звездочками, а второй, кажется, с тремя. И они меня брали на колени, печенье мне привозили, это были летчики, летали на самолетах. Какие они были обходительные! В комнате с ними жили два моих брата, и они так сказали: «Ложитесь спать, пока будет тихо, пока никто не будет ходить, а пораньше встаньте, как только рассветет, чтобы никто вас не застал...» — потому что приходили к ним сюда немцы, друзья, и они всё время вместе спали, не немцы, русские приходили, да...]

[12] жен. 1929 г. р., пос. Бешенковичи (Белоруссия, Витебская обл., Бешенковический р-н), зап. Г. А. Сивохин, М. В. Ясинская в 2016 г.

С"астрў ў вайнў уб'йл'и, м'йлаи... А хто уб'йў, йа вам раскажў, дваццэдз' гадобў йэй было, вот сустрэл'ис'и к нам ў вайнў, пал'ицз'йск'ии... парц'изаны и народник'и²², а с аднога боку народн'ик'и ишл'и, з другога боку — парц'изаны, сустрэл'ис" и, аткрыл'и бой у нас, ў дз'арэўн'у, у Дворышчы, аткрыл'и бой, йаны прадупрадз'йл'и, н'э выхадз'иц'и н'ихт'о с хаты, там у сус"этк'и чэрыз дарогу запал'йл'и хл'эў, и йаны паб'эгл'и тушыц', с'истра майа и брат ишч'о быў жывы́й, а мы з маткай астал'ис"а. Паб'эгл'и тушыт той хл'эў, кап хата ййнайна н'э загар'элас'и и С"ц'ипан'йтк'ина, а чэрыз дарогу бапка жыла, йанá бапц'исткай была, С'ц'ипан'йтка. А йаны йак стракану́ли, так йа па... йанá ишч'о аднў хату прыйшла, и ус"о, и заб'йл'и ийэ... ну и заб'йл'и... матку ран'ил'и, хату спал'йл'и нашу, запал'йл'и. Ай, мы с"ад'им, прыб'эх, с'ад'им... ишч'о прыб'эгла йанá, с'эстра, дамóў, за в'адром. Матка: «Дачушка майá, будз'эм мы свайб вынас'ит'», а йанá: «Ма́ма, мы дал'о́ка, мы н'э загары́мс'а атту́л'». В'адрó схват'йла и паб'эгла, йак паб'эгла, так йэ заб'йл'и, дз'аучынай анá была здрав'эй за м'ан'э и вышэ, и вышэ... Стáршайа, анá была са́ма стáршайа, а тады брат — ужэ пам'ор, вóс'эм'ис'ат гадóў быў, было майэмў, пам'ор, — а тады йа уш у во... тады йа... ишч'о тады хац'эли их и суди́ц', а матка: «Ай, ужó йа дачкў н'э в'арнў, — кáжэц', — йак хóчыц'э, што хóчыц'э з' йим'и дз'элайц'э». Матка паб'эгла за йэй, сус'этка б'ажы́ц' кáжыц': «Ай у Сáшка павал'йлас'а, заб'йл'и

л'ихадорк'и!» Мátка туды, а йанá ишчо стагна́ла, мátка цуп за йайэ: «Дачу́шка майá, хадз'и дамóй!» — тагну́т' йайэ, а йаны па мátк'э! Йак стракану́л'и! И чéл'ус' ишо тут, и у чéл'ус' йэй, и ў пазванóшн'ик, прыпаўзла мátка дамóй, на масту́ рынулаc'а. Прышл'и пал'иц'. Прышл'и пал'иц' хату́ нашу, наро́дн'ик'и йéты, агá. А за хл'авóм у нас схуваўшы была́ парц'изáнка, схува́лас' ат йих тады, чавó-то аны́ за туйу парц'изáнку. Ну йа в рýк'и цылува́ц', брат выл'ис, пал'иц'. «Дз'адз'ичк'и, — ка[ж]у, — н'э пал'иц'а, на́шу с'астру́ заб'ил'и и мátку рáн'ил'и». Йаны м'ан'э атп'эхну́л'и, а ў нас было́ пад адну́ с"вас" хáта, с"эн'и и хл'эў... И йаны у хл'эву́ вьшл'и, чвырк зажыгáлк'и, с"эна васплам'ан'илас", и ўс"о, и пашлá, и пашл'и. Мáмачка, дава́й з бра́там мы мátку т'агну́т' вон, а йак рáз было́ ув'эчэры, ву вóс'им', п'эрад М'икóлай. А с"н'эгу мно́га тады нары́ла! Мátку вьт'агнул'и, у в'ишн'ик там на гарóт, хáтку запал'ил'и, а сам'и мы у вакóп у сус"этк'и акóп, у вакóп у той, с"адз'им, тóл'к'и хáтка тр'ашчы́ц' на́ша, гары́ц'. Ўс'о, м'йлаи, да груб'энк'и [до печи]. Мы ў вайну́ два рáзы згарéл'и. П'эрвы́й рас йак фронт ишо́ў згарéл'и, ўс"о пагарéла, и тады́ йак йэга, йашчó, йашчó згарéла хáтка. Мы нагарувáл'ис', нагарувáл'ис"и настрадáл'ис"... Ну и штó ш, с"астру́ прыц'агну́л'и на сáначках, трóху успакóбилас"а, с"астру́ прыц'агну́л'и на сáначках к сус"эду ў хáту, памы́л'и, на кут палажы́л'и, мátка ў прыстрóйэчку л'ажы́ц' л'а дз'варэй... Во, назáўтрага прышл'и, прышл'и йéты, наро́дн'ик'и йéты, прышл'и — мátка маха́иц' йим, даб'эйц'э м'эн'э, паказы́вайэц' йийи́ ужó, даб'эйц'э, трóдна йэй. Пастайáл'и ц'йхан'ка, пастайáл'и и пашл'и моўчкам. Дак йаны тады у нас с"эм чалав'эк заб'ил'и! Шэс" хат спал'ил'и.

Источники и литература

Белецкая Е. М. Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 2. С. 99–108.

Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н. В. Большаковой; сост. Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Площук (ПсковГУ); В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). Псков: Логос, 2016. 332 с.

Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: Сборник текстов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / ред.-сост. Н. В. Большакова, сост. Н. Г. Савина. Псков: Логос, 2010. 67 с.

Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А. В. Гончарова. М.: Современник, 1979. 286 с.

Глубокое: Память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. 376 с.: ил.

Желудок: Память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2013. 328 с.: ил.

Коскова А. С. Восточный фронт глазами итальянских участников Второй мировой войны: обзор мемуаристики // Научный вестник Крыма: электронный журнал. 2017. № 4 (9). С. 1–14. URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/162/pdf> (дата обращения: 15.06.2020).

Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео: Мастерграф, 2009. 230 с.

Толстая М. Н. Воспоминания о войне из Псковской области // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. С. 72–95.

Толстая М. Н. Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области // Живая старина. 2015. № 3. С. 13–17.

Швед И. А. Устные воспоминания жителей Брестской области о Великой Отечественной войне // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление. Материалы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов / Нижегородский филиал МИИТ. Нижний Новгород, 2015. С. 92–95.

Энгелькинг А. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение. 2018. № 6. С. 27–46.

Hajduk-Nijakowska J. Doświadczenie pamięci. Folklorystyczny kontekst opowieści wspomnieniowych. Opole, 2016. (Studia i Monografie; № 536). 294 s.

Huber I. Občutenje druge svetovne vojne na Goričkem // Vojne na Slovenskem. Pričevanja, spomini, podobe. Ljubljana; Petanjci, 2012. S. 77–91.

References

Beletskaya, E. M. "Fol'klornoe pole Velikoi Otechestvennoi." *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*, no. 2, 2010, p. 99–108.

Engelking, A. "Skaz polesskogo sela, ili o fol'klorizatsii pamiati o Vtoroi mirovoi vojne." *Slavianovedenie*, no. 6, 2018, p. 27–46.

Glubokoe: Pamiat' o evreiskom mestechke, ed. by I. Kopchenova. Moscow, 2017, 376 p., il.

Hajduk-Nijakowska, J. *Doświadczenie pamięci. Folklorystyczny kontekst opowieści wspomnieniowych*. Opole, 2016, Studia i Monografie, no. 536, 294 s.

Huber, I. "Občutenje druge svetovne vojne na Goričkem." *Vojne na Slovenskem. Pričevanja, spomini, podobe*, Ljubljana; Petanjci, 2012, s. 77–91.

Koskova, A. S. "Vostochnyi front glazami ital'ianskikh uchastnikov Vtoroi mirovoi voiny: obzor memuaristiki." *Nauchnyi vestnik Kryma*, no. 4 (9), 2017, p. 1–14, <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/162/pdf>. Accessed 15 June 2020.

Russkie v Urugvae: Istoriia i sovremennost'. Montevideo: Mastergraf, 2009, 230 p.

Shved, I. A. "Ustnye vospominaniia zhitelei Brestskoi oblasti o Velikoi Otechestvennoi voine." *70-letie pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: sovremennoe osmyslenie. Nizhegorodskii filial MIIT*, Nizhni Novgorod, 2015, p. 92–95.

Tolstaya, M. N. "Rasskazy o voine iz Selizharovskogo raiona Tverskoi oblasti." *Zhivaia starina*, no. 3, 2015, p. 13–17.

Tolstaya, M. N. "Vospominaniia o voine iz Pskovskoi oblasti." *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2015, p. 72–95.

Velikaia Otechestvennaia voina v zerkale narodnoi rechi i fol'klora. Teksty. Issledovaniia. Audioprilozhenie, ed. by N. V. Bol'shakova, compilers: N. V. Bol'shakova, M. I. Muratova, G. I. Ploshchuk (Pskov State University); V. A. Lobach (Polotskii State University). Pskov: Logos, 2016, 332 p.

Velikaia Otechestvennaia voina v zerkale pskovskoi narodnoi rechi. Sbornik tekstov o Velikoi Otechestvennoi voine iz fol'klornogo arkhiva laboratorii PGPU, ed by N. V. Bol'shakova, compiler N. G. Savina. Pskov: Logos, 2010, 67 p.

Voiny krovavye tsvety. Ustnye rasskazy o Velikoi Otechestvennoi voine, compiler A. V. Goncharova. Moscow: Sovremennik, 1979, 286 p.

Zheludok: Pamiat' o evreiskom mestechke, ed. by I. Kopchenova. Moscow, 2013, 328 p.

Gleb P. Pilipenko,

Maria V. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Memories of the World War II (based on field researches of 2016–2019 in Belarus, Poland, Slovenia, Italy, Argentina and Uruguay)

The narratives about World War II collected by the authors over the past four years during their field work in various regions (Belorussia, Poland, Slovenia, Italy, Argentina, Uruguay) are published in this paper. The paper contains narratives in Russian, Belorussian, Ukrainian, Polish and Slovene languages. Both war witnesses and those born already after the war talk about the war.

Keywords: *World War II, memory, oral history, liberation, occupation, victory, Slavic dialects, field research, Slavic languages.*